

повышает историческую ценность сочинения: подобно тому, как венецианец Никколо Барбаро вел дневник осады Константинополя, находясь в осажденном городе, русский воин писал свой дневник вне его стен, в стане турок. На Руси, однако, «Повесть» подверглась литературной обработке: в нее были внесены переведенные из византийских источников добавления в югославянских изводах²⁶. Позднейшей вставкой является предпосланный «Повести» легендарный рассказ об основании Константинополя. В нем имеются не только мотивы, почерпнутые из «Александрии» и — через «Еллинский и Римский летописец» — из Георгия Амартола, но и истолкованный в духе концепции «Москва — третий Рим» миф о поединке змея и орла. Первоначально в этом поединке победа была на стороне орла, затем стал одолевать змей, но тогда наблюдавшие за смертельной схваткой христиане убили змея и спасли орла. Мудрецы истолковали исход поединка в том смысле, что «орел есть знамение христианское, а змий — знамение бессерменское; и понеже змий оделе орла, являет яко бессерменство одолеет христианства, а понеже христиане змия убиша, а орла изымаша, яко напоследок паки христианство одолеет бессерменства, а Седмохолмого примут и в нем воцарятся»²⁷.

Редактирование в русских летописях первоначального текста «Повести» Нестора Искандера имело совершенно определенную тенденцию — усилить показ обреченности византийцев, погрязших в грехах, и доказать, что ныне роль Константинополя переходит к Москве: «Русии же род... всего Измаилта победят и Седмохолмага примут...»²⁸ Позднейшей вставкой в «Повести» является также и краткий перечень лет правления византийских императоров, имеющий немало пропусков и ошибок²⁹.

Что же касается рассказов апокрифического характера о знамениях, предвещавших гибель великого города³⁰, а также многочисленных молитв и стенаний, вложенных в уста народа, императора и патриарха³¹, то они, на наш взгляд, не являются непременно плодом благочестивого рвения безымянных русских книжников, редактировавших сочинение Нестора Искандера. Думается, что они могли попасть в «Повесть» и через тех пострадавших от турок жителей Константинополя, которых, как мы знаем, спрашивал наш автор непосредственно после захвата города войсками султана. Эти фантастические и суеверные рассказы, естественно, отражали ту атмосферу фатальной безысходности и религиозной экзальтации, которая царил в городе в последние часы его существования. Недаром они перекликаются с известиями Сфрандзи и Дуки.

Ценность «Повести» как исторического источника заключается прежде всего в достаточно компетентном и подробном описании военных действий. Автор не только хорошо осведомлен об их ходе, но и разбирается в военном деле, знаком с организацией турецкой армии, знает ее технические средства, имена турецких военачальников и их действия во время осады³².

Нестор Искандер находился во время осады перед городскими стенами, охранявшими Константинополь с суши. Действия турецких войск на сухопутном участке фронта описаны им правдиво, он сообщает немало подробностей, которых не знают византийские историки. Зато действия турецкого флота и морские сражения остаются вне поля его зре-

²⁶ Скрипиль М. О. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. — ТОДРЛ, т. X, 1954, с. 166—189.

²⁷ ПСРЛ, т. 12, с. 79.

²⁸ Там же, с. 97.

²⁹ Там же, с. 81—83.

³⁰ Там же, с. 90—91, 95.

³¹ Там же, с. 86, 89, 91, 92, 94.

³² Смирнов Н. А. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. — ВВ, VII, 1953, с. 50—71.